

Д. А. Зубарь

г. Луганск

**МОТИВ СМЕРТИ В ТРИЛОГИИ Ф. СОЛОГУБА
«ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА»**

Досліджується мотив смерті в трилогії Ф. Сологуба «Легенда, що твориться».

Ключові слова: декадентський роман, мотив смерті, інше царство.

Исследуется мотив смерти в трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда».

Ключевые слова: декадентский роман, мотив смерти, иное царство.

The essay focuses on the motive of death in the trilogy “The Created Legend” by Fyodor Sologub.

Key words: decadent novel, motive of death, the other kingdom.

Очарование смертью – визитная карточка декаданса. Ключевую роль тематики и образа смерти в декадентском романе отмечает А. Н. Долгенко: «Мотивы пессимизма, отчаяния, суицида, «двойного бытия», индивидуализм и мистицизм, свойственные декадансу, не представляют собой чего-то исключительного для мировой литературы и искусства, однако именно в декадентском мировоззрении все эти черты структурируются вокруг идеи притяжения смерти как пути к небывалому и окончательному наслаждению» [2, с. 12]. По мнению исследователя, декаданс ищет смысл жизни, прежде всего, в удовольствиях, и поскольку удовольствия жизни предельны, лишь смерть дает вечное наслаждение [2, с. 7]. В трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда» смерть является ядром идейного и образного содержания. Н. В. Барковская отмечает, что тихие дети – символ души Георгия Триродова, а «смерть – единственная бесспорная ценность» [1, с. 174]. Однако в этой же работе исследовательница приводит слова А. Белого: Сологуб показал нам, что смерти нет, он указал на нее, и «мы увидели, что нет у нас безглазой смерти» [1, с. 197]. Таким образом, в восприятии данного образа существует парадокс: с одной стороны, смерть – единственная ценность, с другой – смерти нет. Подобная неоднозначность присутствует в самом произведении. Триродов, главный герой «Творимой легенды», говорит в диалоге с князем Давыдовым: «Нет чуда. Не было воскресения. Никто не победил смерти» [7, с. 197]. Однако ему же принадлежит другое высказывание: «Мне мало одной жизни. Я хочу творить для себя многие иные» [6, с. 33]. В декадентском романе очарование смертью сливается с естественным для человека ужасом перед ней, желание умереть с желанием преодолеть смерть.

Целью нашей статьи является исследование мотива смерти в трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда». Для изучения этого мотива важен вопрос о жанровом своеобразии трилогии. А. Н. Долгенко считает, что из пяти завершенных романов Сологуба лишь первые два собственно декадентские

[2, с. 5], а романы, вошедшие в трилогию «Творимая легенда», не являются декадентскими романами в чистом виде. Н. В. Барковская причисляет трилогию к символистскому роману, наряду с «Мелким бесом» и «Заклинательницей змей» [1]. В исследовании О. П. Мойсеевой обосновывается жанровый статус трилогии как романа-мифа или романа-«легенды» одновременно, а также выявляются жанровые формы и образования, которые составляют «универсальный жанровый конгломерат» произведения [5, с. 3]. Исследовательница также подчеркивает «жанровую нестойкость» трилогии в рамках символистского метода. Мы полагаем, что, несмотря на значительные композиционные отличия между «Творимой легендой» и другими декадентскими романами Сологуба, а также на явное преобладание символистского метода в трилогии, это произведение следует рассматривать в поле декаданса, так как декадентское мировоззрение в нем выражено не в меньшей степени, чем в других романах писателя. В «Творимой легенде» присутствуют ключевые образы декадентского романа. С точки зрения сюжетной линии, вторая часть трилогии «Королева Ортруда», взятая отдельно от остальных частей, является классическим образцом данной жанровой разновидности. Королева Ортруда – последний бездетный потомок вырождающегося рода, «тридцать шесть поколений высоких предков оставили ей в наследство очень неуравновешенную нервную систему» [8, с. 250]. Ортруда обладает талантом живописца и утонченным эстетическим вкусом. Она проходит путь испытаний, искушений, грехопадений, наслаждений и разочарований, которые от любви к жизни приводят ее к очарованию смерти. В конце второй книги Ортруда встречает желанную смерть, огненную и прекрасную, в городе, гибнущем от извержения вулкана.

Город на острове Драгонера, на наш взгляд, является характерным для декадентского романа образом мертвого города. Причем в трилогии Сологуба этот образ не аллегорический, как, например, в романах Ж. Роденбаха, а буквальный: город на самом деле превращается в город мертвых. После извержения вулкана он завален трупами. Гибнут все, кто был в тот день на острове и в его окрестностях. По приезду Виктора Лорены «город имел зловещий, мрачный вид, — город мертвых. Страшные картины разрушения и смерти попадались на каждом шагу. Повсюду лежали трупы, полузасыпанные пеплом, обгорелые, с посиневшими лицами. И везде был смрад гниющих трупов. Людей не было нигде» [8, с. 450]. Королева Ортруда гибнет от одушевленного предмета – вулкана. Вулкан-гору, на наш взгляд, вполне возможно вписать в один ряд с башней французских декадентских романов, хотя в трилогии ярок и образ башни – башнями оснащены королевский замок в Королевстве Соединенных Островов и усадьба в Просяных Полянах. Ортруда восходит на башню молиться Светозарному. Путешествие в утопическое инобытие также совершается с вершины башни: Триродов с Елисаветой отправляются в блаженную землю Ойле с небольшой площадки высокой башни, «все стены и потолок которой были из стекол в бронзовых рамах» [6, с. 25]. Дымящийся и извергающийся вулкан у Сологуба

подобен звенящему колоколу в романах Ж. К. Гюисманса и Ж. Роденбаха. Это – одушевленный предмет, способный убить (предмет-убийца) и воздействующий своей активностью на мертвый город: колокола распространяют над городом свой звон, влияющий на сознание и поведение героев; вулкан распространяет над островами дым, от которого жители Королевства впадают в неистовство. Таким образом, в «Королеве Ортруде» присутствуют все элементы сюжетной линии декадентского романа: последний потомок знатного вырождающегося рода гибнет в пыли мертвого города от одушевленной вещи. Причем в данном произведении эти образы гораздо более масштабны, в них свойственный декадентскому роману гротеск достигает вершины.

Несмотря на то, что «Королева Ортруда» – лишь одна из книг трилогии, по замечанию Н. В. Барковской, «роль центральной, по положению в романе, истории о Королеве Ортруде очень важна» [1, с. 164]. В этой книге смерть является очевидным лейтмотивом, она движется по нарастающей от индивидуальных смертей, концентрирующихся вокруг главной героини, до апофеоза смерти в мертвом городе. Возникает впечатление, что первая и третья части выступают обрамлением центральной истории. В них сюжет отходит от канонического сюжета декадентского романа. На наш взгляд, скородожская сюжетная линия не может в значительной степени выходить за рамки категорий декадентской образности, учитывая метатекстуальность трех первых романов Сологуба, наличие в них общих героев, сквозных мифологем и преданность писателя «единственной своей громадной и мирообъемлющей теме» [9].

Ключевое значение в композиции «Творимой легенды» имеет соотношение параллельных линий – линии Елисаветы и Триродова (скородожской линии) и линии Королевы Ортруды (линии Королевства Объединенных Островов). Как уже отмечалось, скородожская линия отклоняется от декадентского канона. У героев в ходе развития сюжета не усиливается любовь к смерти. В финале романа они благополучно избегают гибели, улетев в серебряном шаре от разъяренной толпы, осаждающей усадьбу Триродова, и прилетают в утопическое Королевство Соединенных Островов, где воцаряются и собираются строить светлое будущее. Таким образом, трилогия, на первый взгляд, оканчивается не смертью героев, а началом новой, лучшей жизни. Однако если принять Королевство Соединенных Островов, не существующее в реальной жизни, за царство мертвых, тем более что именно там находится мертвый город, то финал романа приобретает совсем иной смысл. Географически места были выбраны Сологубом из-за символики названий, которые в традиции волшебной сказки связаны с иным царством: Драгонера – остров дракона, Сольер – город солнца. Отправляясь в Королевство, Триродов говорит летящим с ним, что они, возможно, отправятся на Луну, то есть в царство смерти.

Для того чтобы считать Королевство царством мертвых, есть еще ряд оснований. Во-первых, образ Триродова, с одной стороны, восходит к образу дракона, то есть стража у порога царства мертвых, во-вторых, этот образ

восходит к образу врача-жреца, имеющего власть над жизнью и смертью [3]. То, что усадьба Триродова – именно то место, где жизнь и смерть смешиваются, а Триродов может управлять жизнью и смертью – убивать живых (Дмитрий Матов), отсрочивать смерть (маркиз Телятников), воскрешать из мертвых (Егорка, тихие дети, Дмитрий Матов), – очевидно из текста. Построенный Триродовым летательный аппарат, на котором он отправляется в Королевство, управляем психическими силами отживших, которые не исчезают со смертью и одухотворяют природу, превращая материю в энергию (по крайней мере, Триродов говорит о такой возможности) [6, с. 35]. Путь к этому аппарату лежит через подвал, который, с нашей точки зрения, является тайным входом в царство мертвых. Здесь соединяются сказочные элементы: путешествие под землей и по воздуху чудесным способом, который из сказочно-фантастического превращается в научно-фантастический. Триродов говорит собравшимся в осаждаемой усадьбе: «Предлагаю вам всем идти в мою оранжерею. Ход в нее безопасен, – он идет под землю. Вот здесь, за эстрадою, – дверь в этот ход. Оранжерея устроена так, что она может отделиться от земли и улететь в небесные пространства» [6, с. 126].

В этом эпизоде, на наш взгляд, аллегорически показана смерть: вначале прохождение через подземный ход, то есть гроб и закапывание тела в землю, затем путешествие в небесные пространства – полет души в иное царство. В качестве царства мертвых Сологубом выбрано островное государство, так как туда труднее попасть. Добраться туда можно либо по морю, либо по воздуху, то есть только на некотором транспортном средстве. Триродов летит в Королевство Соединенных Островов на искусственной планете. Мы полагаем, что столь невероятный способ путешествия был выбран Сологубом согласно символике волшебной сказки (волшебный помощник, доставляющий в иное царство). Это намеренно неправдоподобный способ, чтобы подчеркнуть символичность путешествия. Следует отметить, что нелегко попасть и в усадьбу Триродова: сестры Рамеевы во время первого визита к загадочному соседу, а также группа проверяющих школу в Просяных Полянах во главе с вице-губернатором Передоновым не могут найти дорогу к усадьбе, пока ее не показывает им один из триродовских детей. Замок с башнями и потайным подземным ходом в Королевстве Соединенных Островов по своим характеристикам и функциям соответствует усадьбе Триродова. Он является входом в иное царство, имеет башни и тайный грот. В конце чертогов Араминты стоит яхта, готовая к отплытию в Европу. На встречу со смертью Королева отправляется также на яхте, на которой она затем успевает вывезти часть населения с острова смерти (ладья Харона в декадентском романе перевозит в обоих направлениях).

Странствие души по мирам, ее перерождение в рамках цикла обновлений, смерть для одного мира, которая есть рождение в другом мире – лейтмотив трилогии «Творимая легенда». Ярким примером тому может служить побочная линия истории принца Танкреда и Имогены Меладю. Когда Танкред впервые признается Имогене в любви, он говорит, что его

первая любовь умерла восемнадцать лет назад, ровно столько лет, сколько было на тот момент Имогене, и с тех пор он ждал ее из-за гроба. Затем Танкред признается, что верит в переселение душ: «...я поверил в переселение душ... Я знал, что ее чистая душа переселилась в девочку, рожденную в час ее тихой кончины, в девочку, родившуюся на этом блаженном берегу, потому что видел этот дивный берег, я видел его в таинственном видении в час ее тихой смерти. И видел каждый камень на этом берегу, и видел тебя, о Имогена» [8, с. 302 – 303]. Довольно странное признание в любви девушке, но оно подходит для юной графини Меладос с говорящим именем Имогена. Это имя происходит от латинского слова *imago*, что означает: «изображение; образ; подобие; тень; призрак; отражение; копия; видимость» [4]. Имогена – чей-то двойник, переселившаяся душа умершей и возродившейся девушки.

На наш взгляд, легкость в обращении со своей и чужой смертью в декадентском романе можно объяснить не только «полной дискредитацией христианских ценностей» [2, с. 7] (хотя в рамках декаданса отношение к христианству, безусловно, весьма неоднозначно) и казусом Карамазова (вседозволенностью вследствие признания отсутствия бога) [2, с. 10]. Легкость убийства объясняется также декадентской относительностью: смерть предполагает рождение в другом мире или в этом же мире в другом обличье; а также карнавальная логика обратности: живые нередко оказываются мертвецами (ярким примером этого может служить гротескная сцена бала живых и мертвых в доме Триродова), а убить мертвеца означает вернуть ему жизнь, два отрицательных числа при умножении дают положительное. Следует отметить, что в финале трилогии все главные герои пересекают границу между мирами. Филиппо Меччио наносит визит Триродову и возвращается в Пальму, установив телеграфную связь с триродовской оранжереей. Эмундо Негри, сопровождающий Меччио во время визита, является врачом-магом, который, как и Триродов, владеет ключами от врат смерти, так как он погружает Афру в летаргический сон, то есть сон-смерть, а затем воскрешает ее к жизни. В случае с путешествием в Россию, как и в случае с Афрой, доктор Негри обеспечивает путешествие в иное царство и благополучное оттуда возвращение.

Несмотря на явное преобладание символистского метода, «Творимая легенда» по выраженному в ней идейному содержанию и образности является декадентским романом. В произведении представлена вся парадигма ключевых для декадентского романа образов. Это образы башни, праха-пепла, одушевленного предмета-убийцы, мертвого города, смерти-убийства-самоубийства, героя-эстета – потомка вырождающегося аристократического рода, а также образы стражей у порога иного царства – дракона и врача-мага. Сюжет второй книги трилогии является каноническим сюжетом декадентского романа. В первой и третьей книгах образ смерти представлен в образах сна-полусмерти, а также в виде аллегорических странствий главных героев в иное царство, так как граница между Россией и

Королевством Соединенных Островов является границей между царством живых и царством мертвых.

Библиографические ссылки

1. Барковская Н. В. Поэтика символистского романа [Электронный ресурс] / Н. В. Барковская. – Екатеринбург, 1996. – 283 с.
2. Долгенко А. Н. Художественный мир русского декадентского романа рубежа XIX – XX веков : автореф. дис. докт. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / А. Н. Долгенко. – Волгоград, 2005. – 40 с.
3. Зубарь Д. А. Медицинский дискурс в романе Ж. К. Гюисманса «Наоборот» и повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (В печати).
4. Латинский словарь [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.latinare.ru/lexeme/b56c9db5c68c4b1a99bb8a54e958e81b.html>.
5. Мойсеева О. П. Жанрові особливості роману Ф. Сологуба «Творима легенда» : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.01.02 «Російська література» / О. П. Мойсеева. – Одеса, 2000. – 18 с.
6. Сологуб Ф. Дым и тепел / Ф. Сологуб // Творимая легенда. Кн. 2. – М. : Худож. лит., 1991. – 302 с.
7. Сологуб Ф. Капли крови / Ф. Сологуб // Творимая легенда. Кн. 1. – М. : Худож. лит., 1991. – 494 с.
8. Сологуб Ф. Королева Ортруда / Ф. Сологуб // Творимая легенда. Кн. 1. – М. : Худож. лит., 1991. – 494 с.
9. Чуковский К. И. Навьи чары мелкого беса [Электронный ресурс] / К. И. Чуковский. – 1910. – Режим доступа: http://fsologub.ru/about/articles/articles_239.html.

Надійшла до редколегії 25.04.2013 р.